
Обзоры и рецензии

КИБЕРБУЛЛИНГ: ТРАВЛЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А.А. БОЧАВЕР, К.Д. ХЛОМОВ

Резюме

Данная статья является продолжением статьи «Буллинг как объект исследований и культурный феномен» (Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 3. С. 149–159) и посвящена особенностям буллинга в пространстве Интернета. Повсеместная распространенность Интернета и пристрастие подростков к социальным сетям в сочетании с дефицитом у них пользовательской компетентности и понимания необходимости поддержания определенной этики общения в сети делают кибертравлю одним из серьезнейших современных социальных рисков в подростковом возрасте. Мы рассматриваем психологические аспекты кибербуллинга, которые связаны со своеобразием виртуальной среды и отличают его от традиционной травли — такие как анонимность преследователя и его постоянный доступ к возможности преследования, страх лишения доступа к компьютеру у жертвы как мотив сокрытия информации о кибертравле от родителей, бесчисленность и анонимность свидетелей, отсутствие обратной связи в коммуникации преследователь—жертва и феномен растормаживания. Мы рассматриваем основные формы кибербуллинга (флейминг, гриферство, троллинг, клевету, выдачу себя за другого, раскрытие секретов и мошенничество, исключение/остракизм, киберсталкинг и секстинг), для того чтобы показать специфику буллинг-поведения в Интернете. Средства прекращения и профилактики кибербуллинга имеют техническую часть (блокировка пользователя, настройки конфиденциальности и т.п.), однако в остальном аналогичны работе с травлей вне Интернета: это повышение осознанности пользователей в ракурсе допустимых способов поведения, поддержание и понимание необходимости уважительных отношений между пользователями (в том числе, на Интернет-площадках с отсутствием модераторов и правил поведения), невключение и по возможности прекращение распространения негативных, небезопасных, унижающих высказываний и изображений.

Ключевые слова: кибербуллинг, кибертравля, Интернет, подростки, травля, буллинг.

Введение

Современное пространство повседневного общения характеризуется яркой новой особенностью, а именно его распространением в виртуальный мир. И если для нынешних взрослых навыки общения с помощью электронных писем, мгновенных сообщений, чатов являются надстройкой над уже приобретенными навыками общения вживую, то нынешние дети и подростки осваивают и те и другие навыки практически одновременно. В отношении подростков можно говорить о том, что процесс социализации в значительной степени перемещается в Интернет (Кондрашкин, Хломов, 2012) — вместе со знакомствами, референтными группами, освоением различных социальных ролей и норм. Все те коммуникативные процессы, которые происходят в обычном социофизическом пространстве, как бы «дублируются», иногда усиливаясь, а иногда компенсируясь виртуальным общением, однако в любом случае обрастая новыми чертами. И хотя исторически виртуальное бытие, очевидно, вторично по отношению к реальному, можно ожидать и обратного влияния и переноса коммуникативных ситуаций и правил, распространенных в Интернете, в «реальное» пространство общения.

Появление Интернета позволило состояться «виртуальному общению», которое стало для многих ресурсом и открыло дополнительные социальные возможности. Анонимность, допустимая в Интернете, позволяет человеку экспериментировать с разными социальными ролями и разными Я, не боясь негативной

оценки или социальных санкций, которые бы последовали при общении вживую. Это подтверждается данными 2005 г., согласно которым четверть подростков в Интернете притворяются, что они другого пола, возраста, этноса, политических взглядов, сексуальной ориентации, чем на самом деле; чуть больше половины имеют больше одного электронного адреса или никнейма (Lenhart et al., 2005). По другим данным, 39% подростков пытались разыграть кого-то или представлялись другим человеком в обмене мгновенными сообщениями (Lenhart et al., 2001). С одной стороны, это может быть полезно подростку, который ищет случая узнать больше о себе. Однако, с другой стороны, виртуальное общение создало риски, связанные с новыми вариантами ответов среды. Например, анонимность повышает вероятность встречи подростка в Интернете и, возможно, в реальном мире с кем-то, кто тоже использует вымышленную роль и является вовсе не тем, кем представляется, а также снижает привычный уровень стыдливости и провоцирует такие формы поведения (например, исповедальность), которые не практикуются в реальной жизни. Однако автор и участники ситуации могут быть расшифрованы, что может оборачиваться психологической травмой. Анонимность снижает уровень личной ответственности и превращает клеветника в элемент почти симультанной информационной среды, где легко укрыться от агрессии обиженного.

При повсеместном использовании Интернета и активных виртуальных коммуникациях встает задача

урегулирования этих коммуникаций и обеспечения безопасности пользователей, развития киберэтики (Войскунский, 2010). Несмотря на распространенность противопоставления «реального» и «виртуального» миров, между ними нет четкой границы. По словам Р. Махаффи, исследователя-криминолога из отдела киберпреступлений (преступлений с использованием информационных технологий) Министерства юстиции штата Миссисипи, Интернет — это Дикий, Дикий Запад XXI в., в котором постоянно встречаются волнующие приключения, опасности и бандиты: хотя пули, летающие в Интернете, ненастоящие, они все равно могут ранить (Kowalski et al., 2011).

Мы остановимся здесь на той стороне общения в Интернете, которая представляет собой отчетливую социальную проблему и нуждается в обсуждении и поиске методов решения. Речь идет о кибербуллинге — новой и стремительно распространяющейся и за рубежом, и в России форме травли, использующей возможности Интернета (в первую очередь, анонимность и огромное число пользователей) для агрессивного преследования человека. С тех пор как в 1993 г. норвежский психолог Д. Ольвеус дал ставшее общепринятым определение травли в детской и подростковой среде: «буллинг (травля) — это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство власти или силы» (Olweus, 1993), — эта тема стала одной из самых обсуждаемых в контексте детских коллективов (Бочавер, Хломов, 2013) — как в силу травматичности последствий,

так и в силу повсеместной и повседневной распространенности. В последнее время помимо традиционного пространства буллинга, где взрослые не отслеживают ситуацию — в школе, на школьном дворе, на пути в школу и из школы, в школьном автобусе (Craig, Pepler, 1997), появились Интернет-площадки, быстро освоенные теми, кто хотел осуществлять травлю, не приближаясь к своей жертве вживую. Агрессивное преследование человека приобрело новые формы с применением разнообразных современных технологий. Эти формы травли, называемые кибербуллингом, вызывают сильную тревогу у детей, родителей и специалистов в Европе и Америке и уже начинают появляться в России. Особенность информационных процессов в Интернете состоит в том, что оттуда ничего никуда не исчезает. И потому даже непроверенная стигматизирующая (от греч. *στίγμα* — «ярлык, клеймо») информация останется там навсегда. Чем дольше будет оправдываться невиновный, чем длиннее будет его диалог с кем-то невидимым, но, возможно, находящимся рядом, тем выше угроза психологической безопасности жертвы клеветы. Обычный буллинг в некотором смысле честнее и безопаснее, потому что в нем нет неопределенности, присутствующей в виртуальном пространстве. «Российской особенностью является тот факт, что кибертравля нередко осуществляется по социальным или национальным мотивам, фактически представляя собой разновидность экстремистских действий» (Парфентьев, 2009). Известны случаи суицидов, совершенных подростками после киберпреследования.

Подростки выступают наиболее уязвимой группой для кибербуллинга. По российским данным, 78% детей (т.е. практически все горожане) от 6 до 18 лет ежедневно пользуются Интернетом (Беспалов, 2010). Растет популярность социальных сетей, где пользователь заводит себе индивидуальный профиль и может публиковать информацию разной степени откровенности. При этом понимание рисков, связанных с отсутствием конфиденциальности, с нарушением личных границ и возможностью злоупотребления доступной информацией, у подростков, как и у взрослых неопытных пользователей, зачастую недостаточно. Более 72% подростков имеют персональный профиль в социальных сетях. До 80% российских детей выкладывают в сеть свою фамилию, точный возраст, номер школы, и у трети опрошенных детей настройки профиля позволяют всем видеть личную информацию о пользователе; за рубежом 62% детей выкладывают в общий доступ личные фотографии (Солдатова, Зотова, 2011; Kowalski et al., 2011). При обсуждении гипотетического поведения при возникновении неприятной ситуации в Интернете 77% 6–9-летних детей отвечают, что обратятся за помощью к родителям, а среди 15–17-летних 54% планируют справиться с проблемой самостоятельно, при этом не указывая, как именно (Беспалов, 2010). Высокая пользовательская активность детей сочетается с их слабой осведомленностью об опасностях Интернет-пространства и способах их избегания или преодоления, в связи с чем велик риск попадания детей в небезопасные ситуа-

ции, и очевидна необходимость просвещения и профилактики.

Кибербуллинг и его формы

Кибербуллинг (cyberbullying), электронная травля (electronic bullying), социальная жестокость онлайн (online social cruelty) — это отдельное направление травли, определяемое как преднамеренные агрессивные действия, систематически на протяжении определенного времени осуществляемые группой или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя легко защитить (Smith et al., 2008, p. 376). Кибербуллинг включает в себя использование электронной почты, мгновенных сообщений, веб-страниц, блогов, форумов и чатов, MMS- и SMS-сообщений, онлайн-игр и других информационных технологий коммуникации (Kowalski et al., 2011). Это совсем новая область исследований с не устоявшейся пока терминологической системой. Некоторые специалисты считают, что кибербуллинг возможен только среди детей и подростков, а когда им занимаются взрослые, это следует называть «кибер харассмент» (cyber harassment) или «киберсталкинг» (cyberstalking) (Aftab, 2011). Другие предлагают использовать термин «нецивилизованность онлайн» (incivility online) или «кибернецивилизованность» (cyber incivility) (Giumetti et al., 2012).

Как и традиционный буллинг, кибербуллинг может быть прямым и косвенным. Прямой кибербуллинг — это непосредственные атаки на

ребенка через письма или сообщения. При косвенном в процесс травли жертвы вовлекаются другие люди (как дети, так и взрослые), не всегда с их согласия; преследователь может взломать аккаунт жертвы и, мимикрируя под хозяина, рассылать с этого аккаунта сообщения знакомым жертвы, разрушая коммуникативное поле жертвы и порождая сомнение в его моральных качествах. Одна из наиболее угрожающих ситуаций — когда преследователь публикует в сети информацию, которая в действительности подвергает жертву опасности, например, от ее имени размещает объявление о поиске сексуальных партнеров. Как и традиционная травля, кибербуллинг включает в себя континуум поступков, на одном полюсе которого действия, с трудом распознающиеся окружающими как преследование, а на другом — жестокое поведение агрессора, которое может приводить даже к смерти жертвы.

Р. Ковальски, С. Лимбер и П. Агатстон в своей книге «Кибербуллинг: Буллинг в цифровом веке» (Kowalski et al., 2011) приводят следующие самые распространенные сейчас способы травли в электронном пространстве.

Наиболее эмоционально бурная форма кибербуллинга — это флейминг (англ. flaming — воспламенение), который начинается с оскорблений и перерастает в быстрый эмоциональный обмен репликами, обычно публично, реже в частной переписке. Происходит между двумя собеседниками с изначально равными позициями, однако внезапная агрессия вносит дисбаланс, усиливающийся за счет того, что участник

не знает, кого его противник может привлечь на свою сторону в этом сражении. Посетители форума, свидетели, могут присоединиться к одной из сторон и развивать грубую переписку, не до конца понимая изначальный смысл столкновения и зачастую рассматривая ситуацию как игровую, в отличие от инициаторов агрессивного диалога. Можно сравнить это с дракой «стенка на стенку», где участники не до конца понимают ни что стало поводом конфликта, ни каков критерий присоединения соратников друг к другу.

Напоминающей флейминг, но однонаправленной формой буллинга является харассмент (англ. harassment — притеснение): это адресованные конкретному человеку обычно настойчивые или повторяющиеся слова и действия, которые вызывают у него раздражение, тревогу и стресс и при этом не имеют разумной цели. Киберхарассмент обычно выражается в повторяющихся оскорбительных сообщениях жертве, от которых она чувствует себя морально уничтоженной, которым она не может ответить по причине страха или невозможности идентифицировать преследователя, а иногда к тому же вынуждена оплачивать полученные сообщения. Специфическую форму харассмента осуществляют так называемые гриферы (griefers) — игроки, целенаправленно преследующие других игроков в многопользовательских онлайн-играх. Они нацелены на разрушение удовольствия от игры у других игроков, активно используют брань, блокируют отдельные области игры и мошенничают. Это сочетание вандализма с травлей, в «материальном» мире

напоминающее поведение детей, которые приходят растоптать куличики, слепленные детьми помладше в песочнице, лишая их сразу удовольствия и полученных достижений. Известны и более экстремальные методы — например, в одной игре была размещена специально созданная мигающая панель с движущимися объектами, которая должна была провоцировать у игроков эпилептический приступ. 95% любителей виртуального мира «Second life» сообщили о том, что им встречались гриферы (Там же). Еще одной формой харассмента является троллинг: кибертролли (cyber trolls) публикуют негативную, вызывающую тревогу информацию на веб-сайтах, страницах социальных сетей, даже на мемориальных страницах, посвященных умершим людям (Famiglietti, 2011), провоцируя сильную эмоциональную реакцию. Первоначально термин «троллинг» — рыболовный и означает ловлю рыбы на блесну. «Реальных» троллей обычно называют провокаторами — это те, кто используют «слабые места» других людей для того, чтобы с помощью манипуляции поддеть человека и получить удовольствие от его аффективного взрыва. Агрессор в этом случае переживает ощущение всемогущества за счет власти над жертвой, над ее эмоциональным состоянием.

Близким по смыслу, но менее манипулятивным и более напрямую агрессивным является киберсталкинг (cyberstalking; от англ. to stalk — преследовать, выслеживать) — использование электронных коммуникаций для преследования жертвы через повторяющиеся вызывающие

тревогу и раздражение сообщения, угрозы противозаконных действий или повреждений, жертвами которых могут стать получатель сообщений или члены его семьи.

Кроме того, стыд, тревогу или страх могут вызывать так называемые сексты. Секстинг (sexting, от англ. sex — секс и text — текст) — это рассылка или публикация фото- и видеоматериалов с обнаженными и полуобнаженными людьми. Чем старше дети, тем выше вероятность их вовлечения в секстинг. По данным исследования, 10% молодежи 14–24 лет отправляли или публиковали изображения самих себя с сексуальным подтекстом, 15% получали такие сообщения непосредственно от кого-то другого (Kowalski et al., 2011). Среди участников исследования американской Национальной кампании по предупреждению подростковой и нежелательной беременности 71% девушек и 67% юношей отправляли «сексты» своим романтическим партнерам; 21% девушек и 39% юношей отправляли картинки с сексуальным подтекстом людям, с которыми им бы хотелось иметь романтические отношения; 15% юношей и девушек отправляли их кому-то, знакомому только по онлайн-общению (Lenhart, 2010). Если часть людей рассылает такие сообщения в рамках гармоничных отношений внутри пары, то другие преследуют при этом цели травли и нанесения вреда, например, выкладывая в Интернет фотографии обнаженной бывшей подруги в качестве мести за болезненный разрыв отношений.

Еще одной формой преследования в Интернете является распространение клеветы (denigration): это

публикация и рассылка унижающей и ложной информации о человеке, его искаженных изображений, в частности в сексуализированном и/или наносящем вред его репутации виде, и др. Одной из форм клеветы являются «онлайн слэм-буки» (online slam-books). Слэм-буки – тетради, в которых одноклассники размещают различные рейтинги и комментарии — «кто самая красивая девушка в классе», «кто одевается хуже всех» и т.п. Соответственно, «онлайн слэм-буки» — это созданные для развлечения сайты, где одноклассники публикуют подобные рейтинги и комментарии, часто грубые и неприятные, например, «Худшая парочка класса». Платформой для этого часто служат развлекательные сайты, ориентированные на студентов и школьников. Некоторые люди посещают их не для того, чтобы посплетничать и оставить комментарий, а просто для того, чтобы проверить, не стали ли сами очередным объектом клеветы и злобного развлечения знакомых (Lisson, 2008).

Также ложная информация распространяется при выдаче себя за другого (impersonation). Преследователь, используя украденный пароль, с аккаунтов жертвы и как бы от ее лица рассылает негативную, жесткую или неадекватную информацию ее знакомым. Жертва испытывает сильное унижение при получении обратной связи и часто теряет друзей. Кроме того, преследователь с помощью пароля может менять персональный профиль жертвы на веб-сайте, размещать там неуместную, оскорбительную информацию, рассылать угрожающие или унижающие e-mail с адреса жертвы. В крайнем случае преследователь может публи-

ковать на форумах провоцирующие оскорбительные сообщения или комментарии, подписываясь именем жертвы и указывая ее реальные имя, адрес и телефон, тем самым ставя жертву под угрозу реального преследования и нападения.

Раскрытие секретов и мошенничество (outing and trickery; outing изначально подразумевало «разоблачение тайного гомосексуалиста или лесбиянки») включает распространение в сети личной, секретной, конфиденциальной информации о жертве. Эта форма аналогична раскрытию секретов «в реале», которое также сопровождается переживаниями стыда и страха отвержения со стороны жертвы, и отличается лишь числом возможных свидетелей.

Исключение из сообщества, к которому человек ощущает свою принадлежность, может переживаться как социальная смерть. Исключение/остракизм (exclusion/ostracism) из онлайн-сообществ может происходить в любых защищенных паролем средах или через удаление из «списка друзей» (buddy list). Эксперимент показал, что исключение из Интернет-сообщества снижает самооценку участника и способствует тому, что в следующем сообществе он начинает вести себя более конформно (Williams et al., 2000). Часто после исключения человек вступает в другие группы (в частности, тематически посвященные мести первому сообществу), и это позволяет частично совладать с переживаниями; множество «сообщников» придает человеку воодушевления и усиливает веру в возможность отомстить за остракизм — самостоятельно или с помощью членов новой группы. При

отсутствии прямых оснований это — аналог косвенной травли, выражающейся в изоляции и отвержении кого-то из членов группы («с ним никто не хочет сидеть», «мы с ней не дружим»).

Важность для человека его признания со стороны сообщества эксплуатируется также при публикации видеозаписей физического насилия/хулиганского нападения (video recording of assaults/happy slapping and hopping). Happy slapping — хулиганское нападение на прохожего группой подростков, во время которого один из хулиганов снимает происходящее на видеокамеру мобильного телефона. Для усиления чувства унижения у жертвы преследователи выкладывают видеозапись нападения в Интернет, где тысячи зрителей могут смотреть и комментировать ее. К сожалению, загрузить видеозапись в Интернет гораздо проще, чем удалить ее оттуда.

Таким образом, основные лейтмотивы травли в Интернете — эксплуатация значимости референтного для жертвы сообщества (вовлечение множества свидетелей в разы усиливает переживания стыда, страха, беспомощности и отвержения); бесконтрольное распространение любой (ложной, постыдной, конфиденциальной) информации; провокация гипертрофированной аффективной обратной связи от жертвы. Целью кибербуллинга является ухудшение эмоционального состояния жертвы и/или разрушение ее социальных отношений.

Участники кибербуллинга

Исследователи выделяют четыре категории детей, занимающихся

кибербуллингом, в зависимости от мотивации к этому занятию и стиля его осуществления: а) «ангел мести» (ощущает себя правым, часто мстит за то, что сам оказался жертвой буллинга в школе); б) «жаждущий власти» (похож на традиционного преследователя со школьного двора, хочет контроля, власти и авторитета, однако может быть меньше и слабее сверстников, либо может вымещать свою злость и беспомощность, оказавшись в состоянии уязвимости, например, при разводе или болезни родителей); в) «противная девчонка» (может быть и девочкой, и мальчиком; занимается кибербуллингом ради развлечения, связанного с испугом и унижением других); г) «неумышленные преследователи» (включаются в кибербуллинг по инерции вслед за полученными негативными сообщениями о ком-то, часто в результате косвенной травли, в которую их вовлекают как свидетелей и соучастников) (Aftab, 2011). На сегодняшний день исследователи полагают, что жертвами кибербуллинга зачастую становятся примерно те же дети, которых преследуют вживую: по разным причинам более уязвимые и менее уверенные в себе, часто имеющие какие-то отличия во внешнем виде, происхождении, поведении, состоянии здоровья по сравнению со сверстниками (Kowalski et al., 2011).

Психологическая специфика кибербуллинга

Подобно традиционной травле, кибербуллинг предполагает систематичность, агрессивность и неравенство в силе/власти преследователя и

жертвы. Однако власть в киберпространстве имеет и особенности: преследователь анонимен, может скрываться за ложными идентичностями и обращаться к огромной аудитории, внимающей слухам и клевете; вдобавок жертва притеснения доступна через электронные приспособления всегда и везде (Там же). И если в обычной травле преследователя могут остановить не столько моральные аргументы, сколько возможные затраты, то кибербуллинг практически не требует ни прерывать основную деятельность, ни отвлекаться от нее, т.е. это очень комфортный способ повышения уровня адреналина.

Остановимся подробнее на особенностях кибербуллинга — анонимности, непрерывности, бесчисленных невидимых свидетелях, отсутствии обратной связи и феномене растормаживания.

В отличие от традиционной травли, где агрессор известен в лицо и его можно попытаться избежать, в киберпространстве преследователь часто анонимен. Жертва не знает, один ли преследователь или их несколько; мальчик это или девочка; старше или младше; знакомы ли они и не дружат ли это. Такая неопределенность усиливает тревогу, жертва может начинать фантазировать о могуществе и силе агрессора и в связи с этим — о собственной незащищенности и уязвимости, опираясь на свой личный прошлый опыт, персональные переживания. Таким образом, кибербуллинг может быть особенно опасен для детей и подростков, имеющих травматический опыт или переживающих отвержение внутри семьи.

Неопределенность подкрепляется непрерывностью: травля через

Интернет и сотовые телефоны может не прекращаться ни днем, ни ночью. Более того, одно опубликованное сообщение может работать как многократный акт травли, вызывая все новые болезненные для жертвы комментарии, не считая того, что жертва сама может перечитывать полученный оскорбительный или угрожающий текст и переживать ретравматизацию. Поскольку Интернет выполняет коммуникативную функцию и является пространством социализации, жертва может переживать ситуацию травли как полную потерю возможностей для построения отношений, развития, социализации.

На страх преследования у ребенка накладывается страх лишения доступа к сети. Для многих родителей, узнавших, что их ребенок подвергается электронному насилию, первым шагом является лишение ребенка возможности пользоваться компьютером или сотовым телефоном. Хотя это кажется логичным способом остановить поток сообщений от преследователя, для ребенка страх лишения компьютера превышает даже страх от продолжения травли, поскольку отсутствие доступа к электронной коммуникации в большой степени аннулирует его социальную жизнь. Поэтому дети часто скрывают факты электронного преследования. Лишение ребенка технологических приспособлений — это дополнительное наказание пострадавшего.

В ситуации кибербуллинга преследователь не видит выражения лица жертвы, не слышит ее интонаций и не знает о ее эмоциональных реакциях: e-mail или мгновенные сообщения позволяют ему дистанцироваться от

них. Эмоциональная обратная связь регулирует человеческое взаимодействие; без нее нет «линейки», которая бы помогла измерить жестокость поведения. Киберпреследователь забывает о том, что его сообщения на экране своего электронного устройства читает реальный человек. Жертва также не может видеть преследователя, представлять выражения его лица, интерпретировать его интонации, что затрудняет для нее считывание смысла, вложенного в послания преследователя. Редукция эмоциональной составляющей в электронных письмах, мгновенных сообщениях ведет к сильному недопониманию между участниками коммуникации и при этом к недооценке этого недопонимания. Таким образом, коммуникация искажается в обе стороны, при этом участники могут об этом не догадываться.

Хотя иногда участники сообщества отчетливо присоединяются к обидчику или жертве, как правило, присутствует множество молчаливых свидетелей, невмешательство которых служит поддержкой преследователя и усиливает и без того унижительные и болезненные переживания жертвы. Предположительно, свидетелям электронного насилия проще присоединиться к агрессору, чем свидетелям традиционной травли, поскольку для этого от них не требуется никаких физических усилий или социальных умений; самый физически слабый ребенок может активно травить самого сильного, используя современные технологии. Кроме того, анонимность и отсутствие контакта лицом к лицу обезличивают взаимодействие, позволяя с легкостью позабыть о человеческой

составляющей взаимодействия и воспринимать происходящее как некую симуляцию, подобие компьютерной игры.

Дозволенная в Интернете анонимность меняет поведение людей. Возможность не быть идентифицированными приводит к феномену растормаживания (*disinhibition*): без угрозы наказания и социального неодобрения люди говорят и делают вещи, которые бы не стали говорить и делать под своим именем, позволяют себе гораздо больше, чем привыкли в обычной жизни, где они несут ответственность за свои поступки и высказывания. Эта анонимность — скорее иллюзия, чем действительность, — пользователи оставляют «электронные отпечатки ног» (Willard, 2006), однако, даже будучи идентифицированным, преследователь может утверждать, что кто-то другой воспользовался его аккаунтом, чтобы осуществлять травлю, и пытаться уклониться от наказания.

Профилактика и прекращение кибербуллинга

Итак, пользователи Интернета сталкиваются с множеством не всегда осознаваемых ими коммуникативных рисков. Что можно сделать, чтобы постараться их предупредить? Борьба с некорректным поведением в Интернете движется по двум направлениям. С одной стороны, это развитие технических приспособлений, ограничивающих нежелательный контент (фильтры, цензура), располагаемые в социальных сетях и на веб-сайтах разнообразными кнопками тревоги («пожаловаться»), предназначенные для

включения в неприятную ситуацию сотрудников сайта, и настройки конфиденциальности персональных аккаунтов. С другой стороны, осуществляется обучение пользователей Интернета основным правилам безопасности и корректного поведения по отношению к другим пользователям. За рубежом существуют специальные веб-сайты, посвященные повышению Интернет-грамотности¹ и обучению корректному, неагрессивному и невиктимному поведению в Интернете². В частности, рассматриваются ценностные аспекты тех или иных поступков в интернете, обсуждаются внутренние выборы, которые человек совершает, пересылая чьи-то фотографии в обнаженном виде, ведя себя в Интернете жестоко, неуважительно или шпиона за другими. В Рунете сейчас интенсивно идет работа в направлении цензурирования контента и развития фильтров, есть и материалы, посвященные Интернет-безопасному поведению, — например, рекомендации для детей, родителей и педагогов в рамках проекта «Дети онлайн»³ или на веб-сайте фонда «Дружественный Рунет»⁴. Эти рекомендации в основном сосредоточены на технической стороне проблемы (как можно заблокировать послания от агрессора и кому нужно сообщить о ситуации нарушения прав) и подчеркивают значимость родительского контроля за деятельностью детей в Интернете. Однако

собственно психологическая сторона ситуации киберпреследования — переживания и поведение жертвы, агрессора, свидетелей, возможность работы с ними — в таких рекомендациях раскрывается недостаточно.

В ситуации традиционного буллинга и кибербуллинга внутри конкретного сообщества (например, учебной группы) психологическая работа фокусируется на изменении качества отношений внутри группы, чтобы в этих отношениях вместо ценности власти и паттернов доминирования-подчинения и скрытого применения насилия формировались ценности взаимного уважения и сотрудничества.

В ситуации кибербуллинга при отсутствии «реальных» отношений между жертвой и агрессором, по-видимому, основной мишенью психологической работы должны становиться личные границы жертвы и навыки обеспечения их устойчивости. Тема родительского контроля как залога безопасности детей в этом контексте становится дискуссионной: конечно, погружение ребенка в Интернет — это вызов доверию, открытости, последовательности, честности в отношениях ребенка и родителей. Однако ребенку необходимо учиться самостоятельно и осознанно принимать решения, понимать свои и чужие мотивы, и Интернет выступает площадкой для отработки этих навыков. Отношения ребенка и родителей являются

¹ Например, <http://mediasmarts.ca/>

² Например, <http://www.athinline.org/>, <https://www.wiredsafety.org/>

³ <http://detionline.com/helpline/rules/parents>

⁴ <http://www.friendlyrunet.ru/safety/66/index.phtml>

фоном и в благоприятном случае ресурсом поддержки в ситуациях, с которыми сталкивается ребенок в процессе своей социализации в Интернете.

Заключение

Итак, мы показали, как тенденция перемещения традиционных форм взаимодействия в виртуальное пространство трансформирует способы организации ситуаций травли. Возможность избежать личного контакта при агрессивном взаимодействии приводит к обезличиванию участников, ощущению нереальности происходящего у преследователя и в конечном итоге к тому, что преследование становится еще более жестоким в своей безграничности. Перенос такого опыта коммуникации, с утратой чувствительности и отсутствием опоры на обратную связь, в «реальную жизнь» чреват совершенно другим ответом среды, при встрече с которым подростку придется столкнуться со своей социальной некомпетентностью. Это подчеркивает необходимость разработки психологических программ по развитию коммуникативных навыков в роли пользователей среди подростков и молодежи.

Своеобразие и возможные угрозы коммуникаций в Интернете еще не

воплне отрефлексированы. Мы обозначили ряд различий в общении в Интернете и в реальности, о которых известно благодаря исследованиям. Однако среди пользователей редко практикуется анализ происходящего, нет внятной «системы безопасности» поведения в Интернете и отчетливых этических стандартов. В связи с этим регулярно происходят неприятные, а иногда и трагические ситуации. В Рунете, особенно в социальных сетях, в настоящее время идет волна разоблачений различных преступлений, в контексте которых активно публикуются и тиражируются разнообразные личные сведения из жизни преступников. Очень сложно развести случаи, когда публичность противостоит замалчиванию и обладает позитивным эффектом для сообщества, и ситуации, когда она тотально нарушает личные границы и (даже в рамках профессиональной журналистской деятельности) превращается в кибербуллинг. Представляется очень важным, особенно в детской и подростковой аудитории, развивать осознанное и ценностное отношение к своему поведению в Интернете и транслировать последовательную систему мер предосторожности, чтобы снизить риск того, что ребенок или подросток окажется в роли предмета или инициатора киберпреследования.

Литература

- Беспалов, Е. И. (2010). *Результаты онлайн-исследования «Юный интернет-пользователь» в 2010 году*. Режим доступа: <http://www.friendllyrunet.ru/files/281/110530-otchet.pdf>
- Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. (2013). Буллинг (травля) как объект исследований и культурный феномен. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(3), 149–159.
- Войскунский, А. Е. (2010). *Психология и интернет*. М.: Акрополь.

- Кондрашкин, А. В., Хломов, К. Д. (2012). Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(3), 102–113.
- Парфентьев, У. (2009). Кибер-агрессоры. *Дети в информационном обществе*, 2, 66–67. Режим доступа: http://detionline.com/assets/files/journal/2/threat2_2.pdf
- Солдатова, Г. В., Зотова, Е. Ю. (2011). Зона риска: Российские и европейские школьники: проблемы онлайн-социализации. Результаты исследования «дети России онлайн». *Дети в информационном обществе*, 7, 46–55. Режим доступа: http://detionline.com/assets/files/journal/7/12research_7.pdf
- Aftab, P. (2011). *Cyberbullying: An Interview with Parry Aftab. 2011*. Режим доступа: <http://etcjournal.com/2011/02/17/7299/>
- Craig, W., & Pepler, D. J. (1997). Observations of bullying and victimization in the schoolyard. *Canadian Journal of School Psychology*, 13, 41–60.
- Famiglietti, C. (2011). *Cyber-trolls vandalize Facebook page for Isabella Grasso*. Retrieved from <http://glencove.patch.com/articles/cyber-trolls-vandalize-facebook-page-for-isabella-grasso>
- Giumetti, G. W., McKibben, E. S., Hatfield, A. L., Schroeder, A. N., & Kowalski, R. M. (2012). Cyber-incivility @ work: The new age of interpersonal deviance. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 15, 148–154.
- Kowalski, R. M., Limber, S. P., & Agatston, P. W. (2011). *Cyberbullying: Bullying in the digital age* (2nd ed.). Chichester: Wiley-Blackwell.
- Lenhart, A. (2010). *Cyberbullying: What the research is telling us*. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/Presentations/2009/18-Cyberbullying-What-the-research-is-telling-us.aspx>
- Lenhart, A., Madden, M., & Hitlin, P. (2005). *Teens and technology: Youth are leading the transition to a fully and mobile nation*. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/Reports/2005/Teens-and-Technology.aspx>
- Lenhart, A., Rainie, L., & Lewis, O. (2001). *Teenage life online*. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/Reports/2001/Teenage-Life-Online.aspx>
- Lisson, M. (2008). *Out-of-Control Gossip on Juicy Campus Web Site*. Retrieved from <http://abcnews.go.com/oncampus/story?id=5919608#.ULtYHWdOehU>
- Olweus, D. (1993). *Bullying at school: What we know what we can do*. New York: Blackwell.
- Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russel, S., & Tippett, N. (2008). Cyber bullying: Its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child and Psychiatry*, 49, 376–385.
- Willard, N. (2006). *Cyber bullying and cyberthreats: Responding to a challenge of online social cruelty, threats, and distress*. Eugene, OR: Center for Safe and Responsible Internet Use.
- Williams, K., Cheung, C. K. T., & Choi, W. (2000). Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet. *Journal of Personality and Social Psychology*, 40, 303–311.

Бочавер Александра Алексеевна, руководитель лаборатории "Социально-психологические проблемы взросления" Центра социально-психологической адаптации и развития подростков «Перекресток» МГППУ, кандидат психологических наук

Контакты: a-bochaver@yandex.ru

Хломов Кирилл Данилович, руководитель Центра социально-психологической адаптации и развития подростков «Перекресток» МГППУ, кандидат психологических наук

Контакты: kyrill@rambler.ru

Cyberbullying: Harassment in the Space of Modern Technologies

Alexandra A. Bochaver

Chief of a Laboratory of Social and Psychological Challenges of Moving into Adulthood, Centre "Perekrestok" ("Crossroads"), Moscow State University of Psychology and Education
E-mail: a-bochaver@yandex.ru

Kirill D. Khlomov

Head of Centre for Adolescents Socio-Psychological Adaptation and Development "Perekrestok" ("Crossroads"), Moscow State University of Psychology and Education
E-mail: kyrill@rambler.ru

Address: 36/2 Frunzenskaya nab., Moscow, Russian Federation, 119146

Abstract

This paper is a continuation of the article "Bullying as an object of research and cultural phenomenon" (Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 2013, vol. 10, № 3, p. 149–159) and focuses on bullying on the Internet. Widespread use of the Internet and teenagers' addiction to social networks in conjunction with the deficit of user competence and lack of understanding of the need to maintain a certain ethics of Internet communication make cyberbullying one of the greatest social risks in adolescents. We consider the psychological aspects of cyberbullying that are associated with the specificity of the virtual environment and that make it different from traditional bullying – such as the anonymity of the bully and their continued access to the possibility of prosecution, fear of deprivation of access to the computer of the victim as a motive of concealing information about cyberbullying from their parents, countless and anonymous witnesses, lack of feedback in bully-victim communication and the phenomenon of disinhibition. We consider the basic forms of cyberbullying (flaming, grieving, trolling, defamation, impersonation, the disclosure of secrets and fraud, exclusion / ostracism, cyberstalking and sexting) in order to show the specificity of online bullying behavior. Means to stop and prevent cyberbullying include technical aspects (account lockout, privacy settings, etc.) but otherwise are similar to dealing with bullying outside of the Internet: these are increase of the user awareness in terms of acceptable behaviors, understanding of the need to maintain respectful relations between users (including unmoderated Internet sites and websites that don't have official rules of conduct), as well as exclusion and possible termination of unsafe, degrading statements and images.

Keywords: cyberbullying, cyber-harassment, Internet, adolescents, harassment, bullying.

References

- Aftab, P. (2011). *Cyberbullying: An Interview with Parry Aftab*. 2011. Retrieved from <http://etcjournal.com/2011/02/17/7299/>
- Bespalov, E. I. (2010). *Rezultaty onlain-issledovaniya "Yunyi internet-pol'zovatel" v 2010 godu* [Results of the online-survey "Young Internet user"]. Retrieved from <http://www.friendlyru-net.ru/files/281/110530-otchet.pdf>
- Bochaver, A., & Khlomov, K. (2013). Bullying as a research object and a cultural phenomenon. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 10(3), 149–159.
- Craig, W., & Pepler, D. J. (1997). Observations of bullying and victimization in the schoolyard. *Canadian Journal of School Psychology*, 13, 41–60.
- Famiglietti, C. (2011). *Cyber-trolls vandalize Facebook page for Isabella Grasso*. Retrieved from <http://glencove.patch.com/articles/cyber-trolls-vandalize-facebook-page-for-isabella-grasso>
- Giumetti, G. W., McKibben, E. S., Hatfield, A. L., Schroeder, A. N., & Kowalski, R. M. (2012). Cyber-incivility @ work: The new age of interpersonal deviance. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 15, 148–154.
- Kondrashkin, A., & Khlomov, K. (2012). Deviant behavior in adolescents and the Internet: Change in the social situation. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(3), 102–113.
- Kowalski, R. M., Limber, S. P., & Agatston, P. W. (2011). *Cyberbullying: Bullying in the digital age* (2nd ed.). Chichester: Wiley-Blackwell.
- Lenhart, A. (2010). *Cyberbullying: What the research is telling us*. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/Presentations/2009/18-Cyberbullying-What-the-research-is-telling-us.aspx>
- Lenhart, A., Madden, M., & Hitlin, P. (2005). *Teens and technology: Youth are leading the transition to a fully and mobile nation*. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/Reports/2005/Teens-and-Technology.aspx>
- Lenhart, A., Rainie, L., & Lewis, O. (2001). *Teenage life online*. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/Reports/2001/Teenage-Life-Online.aspx>
- Lisson, M. (2008). *Out-of-Control Gossip on Juicy Campus Web Site*. Retrieved from <http://abcnews.go.com/oncampus/story?id=5919608#.ULtYHWdOehU>
- Olweus, D. (1993). *Bullying at school: What we know what we can do*. New York: Blackwell.
- Parfentiev, U. (2009). Kiber-agressory [Cyber aggressors]. *Deti v Informatsionnom Obshchestve*, 2, 66–67. Retrieved from http://detionline.com/assets/files/journal/2/threat2_2.pdf
- Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russel, S., & Tippett, N. (2008). Cyber bullying: Its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child and Psychiatry*, 49, 376–385.
- Soldatova, G. V., & Zotova, E. Yu. (2011). Zona riska: Rossiiskie i evropeiskie shkol'niki: problemy onlain-sotsializatsii. Rezultaty issledovaniya "deti Rossii onlain" [Risk zone: Russian and European school children: the problems of online socialization. Results of the study "Russian children online"]. *Deti v Informatsionnom Obshchestve*, 7, 46–55. Retrieved from http://detionline.com/assets/files/journal/7/12research_7.pdf
- Voiskunsky, A. E. (2010). *Psikhologiya i Internet* [Psychology and Internet]. Moscow: Acropol.
- Willard, N. (2006). *Cyber bullying and cyberthreats: Responding to a challenge of online social cruelty, threats, and distress*. Eugene, OR: Center for Safe and Responsible Internet Use.
- Williams, K., Cheung, C. K. T., & Choi, W. (2000). Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet. *Journal of Personality and Social Psychology*, 40, 303–311.